

На вершине холма, заросшей колышущимся на ветру щетинником, две фигуры — одна высокая и статная, другая тонкая, изящная — перешагнули порог полуразрушенного даосского храма.

Время не щадило древнее святилище, возведенное больше тысячи лет назад: деревянные постройки и стены давно осыпались, сквозь разбитую черепицу проросли крепкие деревья. Лишь посреди заброшенного двора высилась каменная пагода, сохранившая свои прежние очертания.

Перед Тан Буфанем парил полупрозрачный голографический экран, плавно следовавший за каждым его шагом. Сверив изображение на мерцающей панели с древней пагодой, Буфань удовлетворенно кивнул Луи:

— Это она.

Луи тут же шагнул вперед и обхватил руками массивное каменное основание. Под кожей вздулись тугие узлы мускулов, и пагода со скрежетом медленно поползла в сторону.

Смахнув легким жестом виртуальный экран, Тан Буфань поспешил к нему. На месте, где только что высилась пагода, обнаружилась тяжелая черная плита.

Луи присел на корточки и поддел вросший в землю край плиты. Сдвинув ее, он открыл небольшую нишу — крошечный тайник объемом меньше кубического метра.

На самом дне лежал небольшой каменный ларец.

Тан Буфань в волнении потянулся к находке, но шкатулка оказалась слишком тяжелой для него. Пришлось снова просить о помощи Луи.

Луи аккуратно достал сорокасантиметровый ларец и бережно опустил его на мягкую траву. Тан Буфань с трудом приподнял плотную, специально подогнанную крышку. Внутри ровными стопками лежали полтора десятка книг, множество старых дневников, объемный семейный фотоальбом в кожаном переплете и крошечный USB-накопитель.

Тот, кто консервировал эти реликвии, подошел к делу профессионально. Каждая вещь сохранилась в идеальном состоянии, будто и не было этого безжалостного тысячелетнего плена под землей.

Первым делом Тан Буфань бережно взял тяжелый альбом. Стоило перевернуть первую страницу, как на него взглянуло семейное фото: маленький семилетний Чэнь Фэй стоял рядом со своей бабушкой — той самой, которую Тан Буфань когда-то знал лично, но чье лицо за давностью лет почти позабыл.

Он судорожно прижал ладонь к губам, изо всех сил сдерживая подступившие к горлу рыдания.

В одной из жилых комнат башни в поместье Смитов, оборудованной надежной системой фильтрации воздуха, на кровати безучастно лежал мужчина, лишенный правой руки. Спутанные пряди давно не стриженных черных волос почти полностью закрывали его лицо.

Тихо щелкнул замок, и герметичная металлическая дверь мягко отворилась, пропуская внутрь Тан Буфаня и Луи.

Тяжелая створка за их спинами автоматически захлопнулась, пресекая доступ отравленному внешнему воздуху. Лежавший на кровати человек едва заметно вздрогнул и неторопливо принял сидячее положение.

— Я нашел то, что оставил нам Чэнь Фэй, — негромко произнес Тан Буфань, бережно ставя принесенный короб на стол.

Он посмотрел на исхудавшего, изможденного Зеро, силясь справиться со странным чувством, покатав в пальцах маленькую флешку и протянул ее на раскрытой ладони:

— Это твой накопитель. Он просил вернуть его тебе.

Зеро вперил воспаленный, налитый кровью взгляд в крошечный пластиковый корпус. Несколько минут в комнате стояла мертвая тишина, прерываемая лишь его хриплым дыханием, а затем он внезапно запрокинул голову и безумно, одержимо расхохотался.

— Не понимаю... Хоть убей, не понимаю! — его глаза наливались багровой яростью, а в сорванном голосе сквозило жгучее, ядовитое разочарование. — Я же знал, что ты ни на что не годен, поэтому принялся муштровать мальчишку сразу, как только он пришел в себя! Я предвидел, что вы ни за что не позволите мне самому переместиться в двадцать первый век, и потому доверил накопитель ему... И вы ведь действительно разнюнились, отпустили его назад! Так почему же... почему, черт возьми, я все равно проиграл?!

С этими словами он резко взмахнул рукой, выбивая флешку из пальцев Тан Буфаня. Та со звоном отлетела в угол.

— Зачем ты мне ее суешь?! — истопленно взревел Зеро, брызжа слюной. — Неблагодарные твари! Да если бы не я, он так и остался бы просто безжизненным волоском с трупа! Из него никогда не вышло бы живого человека!

Он принялся в ярости метаться по комнате, выискивая, что бы разбить, но помещение было практически пустым. Тогда он единственной уцелевшей левой рукой сорвал с кровати подушку и одеяло и яростно швырнул их на пол.

Луи осторожно увлек Тан Буфаня за собой, заслоняя его плечом. Буфань лишь горько и тяжело вздохнул. Он подошел к упавшему накопителю, поднял его и бережно опустил в коробку на столе.

— Чэнь Фэй был удивительным мальчиком, — негромко заговорил Тан Буфань. — Когда он исчез на два месяца, все вокруг — школа, полиция, репортеры — донимали его расспросами, не я ли его похитил. Но он до последнего все отрицал, выгораживая меня. Он так боялся, что у него найдут эту флешку, что разулся и спрятал ее между пальцами ног... Знаешь, у него действительно был шанс переписать историю. Достаточно было просто вставить этот накопитель в любой компьютер в школьном классе. Но... он не стал этого делать. Он не хотел менять мир.

Тан Буфань мягко улыбнулся, и взгляд его потеплел.

— Благодаря этому его бабушка, родители и он сам прожили удивительно спокойную, счастливую жизнь в двадцать первом веке. Да, став отцом, он тоже мучился тревогами за будущее своих потомков — ведь он прекрасно знал, что в двадцать втором столетии разразится Третья мировая. И все же... он нашел в себе силы принять будущее таким, какое оно есть.

Тан Буфань коснулся пальцами крышки короба и посмотрел на бессильно опустившего голову Зеро.

— Когда Чэнь Фэй вырос, он стал писателем-фантастом. Даже получил несколько престижных литературных премий. В этом ящике лежат его изданные романы и три десятка личных дневников. А семейный альбом, который он сохранил для нас... полагаю, тебе будет тяжело на него смотреть. Его я заберу себе.

Высказав все, что было на душе, Тан Буфань оставил короб на столе и вместе с Луи покинул комнату.

К этому времени на дворе уже стояла глубокая осень. Мрачный замок Смитов ничуть не изменился: в полутемных переходах все так же клубился сырой туман. Тан Буфань протянул руку за пределы крытой галереи, пропуская прохладную изморось сквозь пальцы, и тихо сказал Луи:

— Слушай, давай заменим лампы во всем замке? Хочется, чтобы здесь стало по-настоящему тепло и светло.

По правде говоря, Буфань терпеть не мог такие монументальные, подавляющие своими размерами поместья. Но деваться было некуда: теперь Луи занимал пост верховного лидера Западной Федерации, где правила приличия обязывали устраивать бесконечные приемы и званые ужины. Не тащить же новоиспеченного главу государства за собой в скромный маленький домик только из-за собственной нелюбви к роскоши.

— Хорошо, сделаем как скажешь, — Луи залюбовался бледным профилем Тан Буфаня. В полумраке старого замка тот казался теплым, чистым лучом света. Мужчина не удержался и мягко провел ладонью по его щеке. — Отныне ты здесь полноправный хозяин.

Тан Буфань повернул к нему голову, и пальцы Луи скользнули к виску. Смутившись от такого жеста, Буфань невольно втянул голову в плечи и тихо спросил:

—... Неужели мне действительно больше шли длинные волосы?

Сразу после того как они покинули базу Перезагрузчиков, Буфань решил избавиться от отросшей шевелюры. Тогда он наспех обкорнал волосы сзади охотничьим ножом, из-за чего позже, мастеру, пытавшемуся придать прическе хоть сколько-нибудь аккуратный вид, пришлось состричь их еще короче.

Теперь его шея была совершенно открыта. За пять долгих лет бродяжничества он так свыкся со своей длинной косой, что теперь чувствовал себя без нее непривычно, почти голо.

К тому же, судя по всему, Луи питал слабость именно к длинным волосам своего наставника.

— Тебе идет абсолютно всё, — искренне ответил Луи. С тех пор как здоровье Тан Буфаня пошло на поправку, его лицо вновь обрело прежнюю благородную выразительность, и теперь любая стрижка лишь подчеркивала его природное обаяние.

Тан Буфань, прекрасно знавший, что от него не дождешься конкретики, притворно нахмурился:

— Короткие или длинные? Давай, выбирай что-то одно.

Луи на секунду задумался и с легким замешательством ответил:

— Ну... пожалуй, длинные. Мне нравится, когда волосы учителя рассыпаются по плечам. На их фоне кожа кажется... такой ослепительно белой.

«Ослепительно белой?» — Тан Буфань на секунду растерялся, уловив в его словах двусмысленный подтекст.

Луи тем временем сменил тему, высказав еще одно пожелание:

— И еще... мне бы очень хотелось снова увидеть учителя в традиционном халате-танчжуане.

Традиционная восточная одежда всегда казалась Луи чем-то невероятно загадочным. Тан

Буфань, облаченный в шелковые одежды свободного кроя, выглядел в его глазах выходцем из древней, давно ушедшей эпохи — прекрасным и недостижимым.

— Здесь для таких нарядов совсем не подходящая атмосфера, — смущенно пробормотал Тан Буфань, вовсе не думая отказываться. — Вот в гостях у господина Го Вэня это было бы уместно, а в здешнем замке... Боюсь, прислуга решит, что у меня помутился рассудок, и будет коситься с подозрением.

Пока они неторопливо переговаривались, по коридору бесшумно приблизился дворецкий в строгом черном костюме.

— Господин верховный лидер, вас просит зайти ваш отец.

Луи и Тан Буфань обменялись понимающими взглядами. Тан Буфань осторожно высвободил свою ладонь из его руки:

— Иди. А я пока спущусь в медицинский отсек, проведу ребенка.

Малыш развивался в инкубаторе уже пять месяцев и постепенно обретал человеческие очертания. Конечно, этот крошечный красноватый плод со странной формой черепа, больше напоминавшей кошачью, трудно было назвать красивым, но Тан Буфань испытывал непреодолимое желание находиться рядом с ним как можно чаще.

Ведь этот ребенок должен был расти у него под сердцем, а не плавать в стерильном растворе внутри стеклянного резервуара, опутанного датчиками и проводами.

— Береги себя, — Луи ласково кивнул ему, и у дверей лифта их пути разошлись.

Ханс ждал его в кабинете — это место всегда оставалось его негласным убежищем. Перед своим поспешным отъездом Луи сильно повздорил с ним. Тогда дело едва не кончилось трагедией: отец и сын стояли друг против друга с оружием в руках. Теперь, когда все наконец утряслось, Луи невольно укорял себя за излишнюю вспыльчивость — ведь он не только ранил отца, но и ухитрился разбить то самое старое красное кресло, которое когда-то принадлежало его матери. Это действительно было чересчур.

Перед тем как войти, Луи сделал глубокий вдох, сдерживая волнение, и негромко постучал в массивную дверь.

— Войди, — отозвался изнутри низкий, ровный голос Ханса.

Луи мягко нажал на ручку двери. Ханс стоял у высокого окна спиной к вошедшему, вглядываясь в серую пелену на улице.

Луи бесшумно приблизился к письменному столу, и только тогда Ханс неторопливо развернулся. Сын внимательно всмотрелся в черты его лица. Отец, как и всегда, выглядел безупречно: аккуратно зачесанные назад волосы, гладко выбритое лицо, строгие манеры истинного джентльмена. И лишь благородная серебристая проседь, тронувшая виски, выдавала его истинный возраст.

Когда-то давно зверолюди были не более чем бесправной толпой каторжников, сосланных на суровую поверхность планеты. Одеты в рваные робы, они выполняли самую грязную и опасную работу под надзором людей. Но стоило им завоевать свободу и основать собственную Федерацию, как в их обществе зародилась болезненная тяга к светскому лоску. Чем выше поднимался зверочеловек по социальной лестнице, тем усерднее он перенимал манеры аристократов прошлого, словно безупречно скроенный костюм мог скрыть грубое клеймо их общего прошлого.

Однако Луи прекрасно знал истинную причину столь безукоризненного вида Ханса. Тот стремился соответствовать высоким стандартам лишь потому, что покойная супруга когда-то в порыве гнева назвала всех зверолюдей сборищем неотёсанных грабителей и дикарей.

Да и сам Луи в глубине души понимал, что его прежнее увлечение дорогими вещами и изысканной одеждой было продиктовано подсознательной попыткой заслужить одобрение матери. Ведь трудно сердиться на красивого, аккуратного ребенка.

К сожалению, сам он давно перерос эту детскую травму. Луи с тихой грустью посмотрел на отца, невольно задаваясь вопросом: «А смог ли справиться с этим ты?»

— Я вернулся, отец, — негромко, но почтительно произнес Луи. — Спасибо, что взял на себя заботу о малыше, пока меня не было в городе.

— Он — законный наследник семьи Смит, — ровным тоном ответил Ханс, давая понять, что исполнял свой прямой долг. Он перевел взгляд за окно. — Я видел, ты припарковал свой старый фургон на лужайке перед замком. Планируешь снова отправиться в путь?

Луи проследил за его взглядом. Потрепанный временем бронированный фургон стоял посреди сырого осеннего тумана, но загоревшийся неподалеку уличный фонарь окрашивал его бока в мягкий янтарный цвет, скрадывая ощущение заброшенности.

«Так вот на что ты смотрел все это время», — подумал Луи и вслух ответил:

— Да. Как только мальчику исполнится восемнадцать, я планирую передать ему дела и уехать с учителем. Мы снова вернемся к прежней бродячей жизни.

В его сердце до сих пор жила глубокая тоска по тем коротким, но счастливым дням, когда они с Тан Буфанем ютились в тесном салоне фургона. Там, где, открыв окно, можно было подставить лицо свободному ветру, а сделав шаг за порог — раствориться в лучах полуденного

солнца.

Ханс не выказал ни капли удивления. Он лишь позволил себе едва заметную, горькую усмешку:

— С самого детства ты укорял меня за излишнюю строгость и деспотизм. А теперь, выходит, собираешься поступить со своим сыном точно так же, как я когда-то поступил с тобой?

— ... Он примет руководство в восемнадцать, но я не собираюсь полностью перекладывать на него всю ношу, — спокойно возразил Луи, глядя прямо в глаза отцу. — Я буду помогать ему удаленно, координировать ключевые решения. Точно так же, как ты сейчас незаметно направляешь меня.

Ханс на мгновение опустил взгляд, собираясь с мыслями, а затем негромко произнес:

— Когда мальчика извлекут из инкубатора, я планирую полностью отойти от дел. На этот раз окончательно.

— ... Хорошо, отец, — согласился Луи. Немного помедлив, он все же решился спросить: — Чем думаешь заняться на покое? Есть какие-то планы?

— Наверное... спущусь в Подземный город, — с легким сомнением в голосе отозвался Ханс. — Родители твоей матери все еще живы. До меня доходили слухи, что у них хранится уцелевший архив с ее детскими и юношескими фотографиями.

— Понимаю, — кивнул Луи. — Процесс интеграции идет полным ходом, соглашение о свободном посещении Подземного города зверолюдьми сейчас на стадии финального обсуждения. К следующему году все юридические формальности будут улажены.

После этих слов между ними снова повисло тяжелое, но уже не такое враждебное молчание. Луи подождал еще немного и, поняв, что добавить больше нечего, вежливо произнес:

— Если на этом все, я поднимусь на четвертый этаж, побуду с Буфанем и ребенком.

— Иди, — негромко напутствовал его отец.

Луи развернулся и взялся за круглую бронзовую ручку. Но едва дверь приоткрылась, Ханс негромко окликнул его:

— Луи.

Луи повернулся в пол-оборота. Золотистые глаза Ханса смотрели на него с непривычной

мягкостью.

— Твое решение объединить наши миры было единственно верным. Ты сумел растопить многовековой лед недоверия между людьми и зверолюдью. Всего за полгода у власти твой авторитет среди простого народа превзошел все, чего я добивался десятилетиями.

Луи молчал несколько секунд, чувствуя, как внутри тает застарелая обида. Его взгляд стал мягче.

— Твои реформы заложили прочный фундамент для этого шага, отец. Без твоих усилий Федерация никогда бы не достигла нынешнего процветания.

Они обменялись долгими взглядами. В этот момент между ними наконец произошло нечто, похожее на тихое примирение. Сын едва заметно склонил голову и вышел из кабинета, мягко притворив за собой тяжелую дверь.

Поднявшись на четвертый этаж, Луи застал Тан Буфаня на прежнем месте — тот сидел перед мерцающим индикаторами инкубатором, не отрывая взгляда от крошечной жизни, развивающейся за толстым стеклом.

В помещении также находились дежурный врач и две медицинские сестры. Луи, желая остаться со своим спутником наедине, сделал едва заметный жест глазами, прося персонал временно покинуть комнату.

Как только за прислугой бесшумно закрылась дверь, Луи подошел со спины и осторожно, боясь потревожить, обнял Тан Буфаня за плечи, утыкаясь носом в его макушку.

— Ну как? О чем вы говорили? — не поворачивая головы, тихо спросил Тан Буфань.

— О его скором выходе на пенсию, — отозвался Луи. Опершись коленом о подлокотник кресла, он принялся нежно перебирать пальцами короткие пушистые волосы на затылке Буфаня.

— Вот как... — задумчиво протянул Тан Буфань. Немного помолчав, он вспомнил об их общем друге и с легким колебанием спросил: — Скажи, Андерсон действительно не хочет публично опровергнуть все те грязные слухи?

Андерсон наконец вернулся в родной дом. Слишком много лет он провел в изгнании, и теперь все его время занимали заботы о престарелой матери. Луи давно подписал указ о восстановлении его в должности командира, однако Андерсон вежливо отказался возвращаться в строй. И даже когда его бывшая супруга — та самая женщина, что когда-то оклеветала его, обвинив в избиениях, — пришла вымаливать прощение, он наотрез отказался от предложения Луи предать огласке архивные документы и очистить репутацию.

— Моя первая жена действительно погибла из-за меня, сорвавшись в ущелье, — делился с ними Андерсон во время недавней прогулки по туманному парку поместья. — На второй я женился исключительно из слепой жажды мести, разрушив ее жизнь. Ну а третья... Пусть она и была марионеткой в руках Ханса, она действительно до смерти меня боялась.

Тогда, ловя лицом прохладный ветер, Андерсон казался на удивление умиротворенным. Его длинные серебристые волосы все так же небрежно рассыпались по плечам.

— Она пришла ко мне с покаянием лишь потому, что дрожит за безопасность своего нового мужа и детей, — он поднял голову к хмурому небу Туманного города и горько усмехнулся. — Но даже если вся правда выплывет наружу, прошлую жизнь мне уже никто не вернет. Я слишком хорошо знаю, каково это — когда твой мир рушится на глазах. Как-никак, она целый месяц прожила под моей фамилией. Пускай спит спокойно, не хочу ломать ей судьбу.

Тан Буфань тогда лишь молча сопереживал ему. С юридической точки зрения эта женщина действительно была безвольной исполнительницей воли Ханса. Но предай они дело огласке — и несчастную до конца дней затравит пресса, а ее ни в чем не повинные дети и муж окажутся в центре грязного скандала. Семейный очаг был бы разрушен до основания.

Тан Буфань в очередной раз убедился: за колючим, язвительным характером Андерсона скрывается на редкость благородное и чуткое сердце.

— Ну хорошо, а как же Ханс? — спросил тогда Тан Буфань, подавшись вперед. — Неужели ты отказался от мести только ради нас с Луи?

Андерсон презрительно фыркнул, высокомерно вздернув подбородок:

— Слишком много о себе мнишь, учитель Тан. Я пощадил его шкуру исключительно ради спокойствия своего отца и младшего брата.

Тан Буфань мысленно согласился с его доводами. Генерал Ангус верой и правдой служил Хансу всю свою жизнь. Узнай старый солдат, что его обожаемый правитель хладнокровно уничтожил карьеру и репутацию его собственного первенца, это окончательно разбило бы ему сердце. Что же касается Энди... Родные братья никогда не отличались теплыми чувствами друг к другу. Пока Андерсон томился в застенках психиатрической клиники, Энди успел прибрать к рукам все семейные дела и земли. Если бы Андерсон внезапно вернулся с триумфом, это лишь породило бы между братьями глубокую пропасть зависти и вражды.

— Пускай все остается как есть, — подвел итог Андерсон. — Раскачивать лодку сейчас глупо. Да и в армию возвращаться у меня нет ни малейшего желания, а штамп о ментальной нестабильности — идеальная отмазка от призыва.

— Но Федерация все равно должна выплачивать тебе жалование, — резонно заметил Луи. — Тебе необходима официальная должность. Как насчет свободных экспедиций на поверхности?

В конце концов, пока у власти стоял Луи, Андерсон мог раз в месяц отправлять формальный отчет с парой пейзажных снимков, и никто бы не посмел придраться. Дело было вовсе не в деньгах — Луи стремился сохранить за другом статус действующего командира, ведь высший свет Туманного города славился своим жестоким снобизмом, и лишиться звания означало стать изгоем.

— У моей матери в последнее время сильно сдало здоровье, — с неохотой признался Андерсон.
— Она места себе не находит, стоит мне отлучиться на пару дней.

Было видно, что он разрывается между жадой свободы и долгом перед семьей.

Луи задумчиво перевел взгляд на очертания собственного замка Смитов. Его высокие остроконечные башни, окутанные дымкой, навели его на отличную мысль.

— Слушай, а давай, когда на острове достроят специальную тюрьму для Зеро, ты возглавишь ее? — предложил Луи. — Это совсем близко отсюда, на быстроходном катере от силы полчаса пути. Остров закрытый, посторонних там не будет — только охрана, пара поваров да медики, которых пришлет председатель Фан Юэ.

Зеро, до последнего выступавший за войну и отказавшийся подписывать капитуляцию, был признан военным преступником класса «А» от Фракции сопротивления. Что же касается самих «Перезагрузчиков», то они были настолько взбешены его самовольным запуском квантовой машины перемещения, повлекшим за собой тяжелое радиационное заражение всего научного комплекса, что даже пальцем не пошевелили, чтобы вызволить своего бывшего лидера.

Вдобавок Го Шэнь где-то раздобыл сведения о том, что Зеро приходится младшим братом председателю Фан Юэ, и вознамерился забрать арестанта под свою юрисдикцию, чтобы использовать его как рычаг давления. Фан Юэ, разумеется, подобного допустить не могла. Она в спешном порядке подготовила все документы и под конвоем переправила брата в поместье Смитов под личную ответственность Луи.

Луи не стал уклоняться от этой ответственности. Несмотря на сильное дипломатическое давление со стороны Восточной и Северной Федераций, он настоял на том, чтобы Зеро содержался под его личным надзором.

Помимо очевидной политической выгоды — ведь теперь председатель Фан была у него в долгу, — Луи руководствовался соображениями безопасности. Такого непредсказуемого фанатика следовало держать исключительно перед глазами, дабы в один прекрасный день он вновь не собрал на коленке машину перемещения или не вывел новый штамм токсичного мутагена.

Специальный тюремный блок на острове все еще находился на стадии строительства, поэтому пленника временно разместили в одной из башен фамильного замка. Несколько комнат там были оборудованы мощными автономными фильтрами очистки воздуха — когда-то их обустроили специально для высокопоставленных чиновников из Подземного города, не переносивших поверхностный смог.

Как только строительство на острове завершится, Зеро немедленно этапируют туда. Помимо людей Фан Юэ, Луи требовалось поставить во главе комплекса своего абсолютно надежного человека. Он долго размышлял над этой вакансией, и теперь кандидатура Андерсона виделась ему идеальным решением.

Андерсон, впрочем, энтузиазма не проявил. Уголок его губ иронично пополз вверх, и он процедил со своей фирменной издевкой:

— Мне? Быть нянькой у этого ублюдка? Луи, ты серьезно не боишься, что я просто придушу его в один прекрасный день?

На его лице все еще белел уродливый шрам — памятный след от лезвия Зеро.

— Это совсем рядом с поместьем, никакого начальства над душой, никакой бумажной волокиты, да и заключенный всего один. При этом должность официальная и престижная. Ну так что, согласен? — с теплой улыбкой вмешался Тан Буфань. Ему эта мысль тоже пришла в голову — лучшего места для Андерсона было не найти.

— Тюремный надзиратель... Хозяин персонального ада для особо опасного маньяка... — Андерсон на секунду задумался, а затем неохотно кивнул. — Ладно, идет.

Ему действительно требовалась тихая гавань на ближайшие пару лет, так что он решил согласиться. Рано или поздно он все равно сорвется с места и уедет на край света, а эта должность послужит отличной временной передышкой.

Уладив все дела, Андерсон отправился домой. Тан Буфань как чуткий человек сильно переживал, как примет его семья. И его опасения подтвердились: вскоре от прислуги дошли слухи, что в поместье Андерсону то и дело приходится выслушивать язвительные шепотки за спиной, а его младший брат Энди демонстрирует ледяное безразличие.

— Он отказался от публичных оправданий только для того, чтобы уберечь репутацию своей семьи, но его эгоистичный брат этого никогда не поймет, — тихо вздохнул Луи, мягко поглаживая Тан Буфана по плечу. — Я уже отправил ему сообщение: пусть побудет с матерью сколько нужно, а потом сразу перебирается жить к нам.

— Но они ведь с Хансом на дух друг друга не переносят, — обеспокоенно заметил Тан Буфань. — Как они уживутся под одной крышей?

— А мы переберемся в озерную виллу, — тепло улыбнулся Луи. — На самом деле я и сам не в восторге от перспектив обитания в этом холодном склепе. Мне хочется тихой, спокойной жизни наедине с тобой, учитель. Сюда мы будем возвращаться лишь по делам государственной важности да ради пышных банкетов, а все остальное время проведем вдвоем на берегу озера.

Глаза Тан Буфаня радостно блеснули, он запрокинул голову, чтобы заглянуть в лицо Луи:

— Тот самый уединенный домик на воде? Я ведь так ни разу до него и не добрался. Расскажи, он большой?

— Около двухсот квадратных метров, если не ошибаюсь, — припомнил Луи. — Всего шесть комнат, зато в каждой есть настоящий дровяной камин. Позади дома раскинулся бескрайний зеленый луг, а прямо перед крыльцом — ухоженный сад, переходящий в зеркальную гладь озера.

— Шесть комнат... Что ж, вполне достаточно, — Тан Буфань уже мысленно переносил туда их скромный скарб.

Глядя на застывшего в жидкой среде маленького человечка, он ощутил, как по телу разливается волна щемящего, глубокого тепла. Он поднял руку и ласково сжал ладонь Луи, покоившуюся на его плече. Именно в этот момент пришло щемящее, долгожданное осознание: теперь у них есть настоящий дом. Настоящая семья.

— Как же хорошо... — не удержавшись, прошептал Тан Буфань.

В его душе не осталось ни капли сожаления о том, что когда-то он принял решение навсегда остаться в этом суровом, но ставшем таким родным мире будущего.

Луи ласково прижал его к своей груди, утыкаясь лицом в мягкие волосы и вдыхая их едва уловимый, родной аромат. Прикрыв длинные ресницы, он с глубоким умиротворением прошептал ему на ухо:

— Да, любимый. Как же хорошо.

В те темные дни, когда ему больше всего на свете хотелось умереть или бесследно исчезнуть, судьба подарила ему встречу с этим человеком. И с тех пор его некогда холодный, разрушенный мир обрел прочную опору и наполнился глубоким смыслом.

Как же хорошо, что ты есть у меня.

Конец основного тома

<http://bllate.org/book/19039/2003797>